

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ВЕЧНЫЙ СПОР

Светлана Валентиновна Мирошник

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
miroshnik@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы соотношения права и справедливости. По мнению автора, справедливость первоначально была частью социальных регуляторов первобытного общества. Усложнение социальных связей, обусловленное переходом к государству, привело к дифференциации социальных норм, выделению права как единственного универсального регулятора поведения.

Ключевые слова: право, правопонимание, источники права, формы права, принципы права, справедливость, реализация права

Для цитирования: Мирошник С. В. Право и справедливость: вечный спор // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 30–35. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-30-35>.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

LAW AND JUSTICE: AN ETERNAL DISPUTE

Svetlana V. Miroshnik

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, miroshnik@mail.ru

Abstract. The article discusses the controversial issues of the relationship between law and justice. According to the author, justice was originally part of the social regulators of primitive society. The complication of social relations caused by the transition to the state led to the differentiation of social norms, the allocation of law as the only universal regulator of behavior.

Keywords: law, legal understanding, sources of law, forms of law, principles of law, justice, implementation of law

For citation: Miroshnik S. V. Law and justice: an eternal dispute. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(3):30–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-30-35>.

Проблема взаимоотношения права и справедливости занимает одно из центральных мест в теории права. Она стала объектом многих исследований ученых прошлого и настоящего времени, став своеобразной эстафетой, переходящей от одного поколения исследователей к другому. С каждым историческим витком развития ее актуальность только усиливается, что и обуславливает необходимость дальнейшего осмысления достигнутого политико-правовой мыслью и выдвижения на этой основе новой гипотезы, отражающей сущность складывающихся взаимосвязей в современном обществе.

Бесспорно, основы понимания права и справедливости были заложены античными философами. Считается, что справедливость и право впервые связал Сократ, считающий справедливым все то, что является законным.

Аристотель связывал понятие справедливости с представлением о государстве. При этом мерилom справедливости, по его мнению, выступало право, как регулирующая норма политического общения [1]. Государственное право предназначалось для упорядочивания отношений только между гражданами – свободнорожденными и равными между собой «пропорционально или арифметически» [2]. Предназначенное для общего, одинаковое для всех оно и должно господствовать в обществе, поскольку человек, уделяющий себе больше благ, в конце концов, становится тираном.

Аристотель рассматривал справедливость как критерий всеобщей оценки. Это позволило ему разграничить правосудное («как законное и справедливое») и несправосудное («и как противозаконное, и как несправедливое») [2]. Равенство и неравенство в его трудах – это парные категории, воплощающие в себе справедливость и несправедливость. При этом Аристотель обратил внимание на невозможность применения однолинейной оценки – «несправедливость [как неравенство] и противозаконность не тождественны», они выступают, по отношению друг к другу, как часть и целое. Все «несправедливое [в смысле неравенства] противозаконно, но не все противозаконное [в этом смысле] несправедливо» [2]. Справедливое равенство по Аристотелю, – «это середина между «больше» и «меньше» [2].

Через призму справедливости Аристотель оценил и идеи Платона об упразднении частной собственности. По мнению философа, именно справедливость позволяет оценить не только «какие отрицательные стороны исчезнут, если собственность будет общей», но и «какие положительные свойства будут при этом уничтожены» [1].

Великий мыслитель обращал также внимание на то, что справедливость, наряду с воздержанностью, является величайшей нравственной добродетелью. Без нее начальствующий не сможет прекрасно властвовать, а подчиненный – хорошо подчиняться. Человек, не обладающий необходимыми добродетелями, становится необузданным и низкопробным, неспособным выполнить свой долг [1].

Идеи Аристотеля оказали существенное влияние на формирование представлений о праве и справедливости в Древнем Риме, где вопрос об их соотношении, как и в Древней Греции, возник в связи с разрешением правовых споров. Жалобы граждан Рима на несправедливые, по их мнению, решения судей способствовали развитию права – появлению распространяющихся на неопределенный круг лиц норм, регламентирующих саму процедуру судопроизводства, определяющих права, обязанности и ответственность субъектов. Справедливым стало признаваться решение, принятое с учетом всех обстоятельств дела по закону.

Римским властям удалось решить задачу, которая оказалась не под силу самому Аристотелю. Справедливость гарантировалась властью. Именно она и подтверждала меру справедливости «тех или иных властных отношений» [3]. Именно власть стала проповедовать понимание справедливости как законности, гарантируя ее и применяя как в отношении публичных, так и на производных от них правоотношений.

Но такое понимание соотношения права и справедливости не стало универсальным. Поиски абсолютной истины продолжились в средние века. Практика реализации феодального права, отражающего сословную структуру феодального

общества, дало новый толчок в развитии политико-правовой мысли. Многие известные мыслители Нового времени писали о справедливых и несправедливых законах. Гольбах считал, что справедливые законы награждают и карают «в меру того добра и зла, которые сделает человек обществу» [4].

Монтескье полагал, что «отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону...если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись закону этого общества» [5]. Совершенно иную точку зрения занимал Гоббс. По его мнению, основа всякой справедливости выражается в высшем завете, в соответствии с которым «никто не должен делать другому того, что он считал бы несправедливым, если бы другой сделал это по отношению к нему» [6]. Гоббс обратил внимание на то, что справедливость есть нравственная добродетель [6].

Принципиально новый взгляд на соотношение права и справедливости представили основоположники юридического позитивизма (Бентам, Остин). Они полагали, что «естественная справедливость», «нравственное чувство», равно как и другие моральные категории, не могут использоваться для познания права, поскольку право строится на логике правовых конструкций.

На ошибочность использования справедливости в качестве оценки права обращали внимание и классики марксизма. По мнению Ф. Энгельса, представители науки права делали глубочайшую ошибку, пытаясь объяснить сущность правовых систем государств «не как отражение соответствующих экономических отношений, а как системы, заключающие свое обоснование в самих себя». Общее, свойственное в той или иной мере всем правовым системам, ими было озаглавлено естественным правом. «А мерилом, которым определяется, что относится к естественному праву и что к нему не относится, служит абстрактнейшее выражение самого права – справедливость». Представления же о справедливости, подчеркивал Ф. Энгельс, изменчивы «не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у разных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми, как правильно замечает Мюльбергер, «каждый разумеет нечто другое»» [7].

Споры о соотношении права и справедливости не прекращаются до сих пор. Разные методологические основы исследования дают неодинаковые результаты.

Методологической основой наших рассуждений выступает научно обоснованная концепция интегративного правопонимания, представляющая собой творческий синтез естественно-правового, позитивистского и социологических типов правопонимания. Право с этих позиций выступает как совокупность принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализующихся в государстве [8].

В рамках данного типа правопонимания имеет место четкое разграничение источников и форм права, без рассмотрения которого невозможно системно исследовать вопрос о соотношении права и справедливости.

Источники права – это «его начала, характеризующие его происхождение, генезис, то, из чего право происходит» [8]. В роли таковых, на наш взгляд, выступает деятельность:

- правотворческая, реализуемая правотворческими субъектами, воля которых находит свое внутреннее и внешнее выражение в правовых актах;
- правосогласительная, осуществляемая несколькими уполномоченными субъектами и выражающаяся в достижении ими единой воли, находящей свое отражение в правовых договорах;

- повторяющаяся правосогласительная, осуществляемая субъектами определенной локальной среды, приводящая к формированию общей воли, находящей свое внешнее выражение в обычаях права.

Формы права – это внутреннее и внешнее выражение принципов и норм права. Формами российского права выступают правовые акты, правовые договоры (внутригосударственные и международные), обычаи права (национальные и международные).

Право современных государств является в основном писаным. В то же время сохраняют силу и продолжают формироваться (правда, очень медленно и не во всех сферах общественной жизни) обычаи права, имеющие отличную устную форму. Соответственно, содержащимся в разнообразных формах права принципам и нормам права свойственны как письменная (доминирующая), так и устная модель существования.

При изучении вопроса соотношения права и справедливости, как и исследовании других тем, целесообразно рассматривать право в динамике, в его историческом разрезе, позволяющем выявить особенности права прошлого и настоящего времени, выявить тенденции дальнейшего развития.

В историческом ракурсе можно выделить три этапа жизни права:

- право первобытного общества, оно отражало волю всего рода, имело устную форму выражения в виде первобытных договоров и обычаев,
- право государственно организованного общества – появление государства привело к возникновению новых форм выражения права – правовых актов, существенным уменьшением роли и значения правовых обычаев, преимущественным письменным отражением принципов и норм права,
- право цифровой эпохи – цифровизация, ставшая результатом научно-технологической революции, объективно не могла не затронуть сферу права как единственного всеобщего регулятора поведения в обществе. Право цифровой эпохи, в отличие от права предыдущего этапа развития, характеризуется существенными изменениями, произошедшими в объекте и предмете правового регулирования, расширением роли и значения локального правотворчества.

Выделение исторических этапов жизни права имеет принципиальное значение для понимания соотношения права и справедливости. На этапе родового строя право зарождается, формируются определенные разумные принципы и правила поведения, в справедливости которых никто не сомневается. Справедливость становится частью всех социальных регуляторов первобытного общества, представления о ней помогают жить сообща, помогают выжить.

В дальнейшем ситуация начинает кардинально меняться. Развивается правотворческая деятельность государства, усложняются общественные отношения. Нормы права, морали, религии дифференцируются, становятся самостоятельными социальными регуляторами.

Справедливость занимает достойное место в системе моральных категорий. У каждого индивида, класса, социальной группы складываются свои представления о справедливости и несправедливости. Мораль оказывается социально неоднородной и переменчивой. Ее носителями становятся все члены общества.

Совершенно иная ситуация складывается в отношении религиозных норм, призывающих смиренно относиться к несправедливости, тяготам и лишениям земной жизни, обещая за это рай в загробной жизни. При этом религиозные положения в большинстве стран не стали всеобщим регулятором поведения.

Государства постепенно шаг за шагом отстаивали свой суверенитет, утверждая независимость светской власти от религиозной. Вера стала индивидуальным выбором каждого (правда, в разные исторические эпохи неудачный выбор признавался правонарушением со всеми вытекающими последствиями).

В отличие от моральных и религиозных норм право, в силу своей универсальности, становится единственным всеобщим регулятором поведения, позволившим обществу продвигаться вперед по пути общественного и технического прогресса. Человек может обойтись без морали и религии, но без права общество обречено на хаос и вымирание.

Может ли или должно быть право справедливым или несправедливым? Если допустить, что справедливость – это правовая категория, тогда закономерно возникает вопрос о ее критериях. И вот здесь возникают трудности. Ведь мораль в отличие от права не обладает системным единством. То, что справедливым кажется для одной группы людей, окажется несправедливым для другой. Правовая реальность существует и развивается независимо от того, соответствует ли она моральным ценностям или нет, ведь нормы морали необязательны, принудительно не исполняемы.

Поэтому справедливость объективно не может выступать критерием оценки права – единственного обязательного регулятора поведения. Конечно, эффективность социального регулирования значительно повышается, когда «объединяются» усилия различных видов социальных норм. Но объединение усилий по одним вопросам не исключает и не может, к сожалению, исключить возникновения противоречий по другим.

Социальные нормы выработаны в процессе исторического развития общества. Они выполняют различные функции, имеют разное социальное предназначение. Их смешение ведет к хаосу, закономерному возникновению вопроса – если право может быть справедливым или несправедливым, зачем оно, как и другие разновидности социальных норм, вообще нужно, ведь есть нормы морали?

Между тем, правовое регулирование имеет многовековую историю. Его своеобразной квинтэссенцией, «дорожной картой», альфой и омегой стали принципы права, благодаря которым право внутренне согласовано и едино, непротиворечиво и предсказуемо, сбалансированно и взаимосвязано. Принципы права нельзя придумать. Но как абсолютно точно писал Г.В. Мальцев, их можно произвольно менять, игнорировать, дискредитировать, выделять главные и второстепенные, вольно или невольно нарушая таким образом системные правовые связи. Это обусловлено тем, что применение правовых принципов «находится целиком в области субъективного» [9].

В связи с этим весьма обоснованными и актуальными представляются предложения В.В. Ершова, считающего необходимым, во-первых, «дополнить российские правовые акты соответствующими разделами об основополагающих (общих) принципах национального права и (или) международного права, реализуемых в государстве», во-вторых, «установить соотношение основополагающих (общих) принципов национального и (или) международного права со специальными принципами и нормами права, выработанными в иных формах национального и (или) международного права, и реализуемых в государстве», в-третьих, «признать основополагающие (общие) принципы национального и (или) международного права (установив их примерный перечень) неоспоримым правом (*jus cogens*) для правотворческих и правореализующих, в частности, судебных органов, юридических и физических лиц» [10].

Реализация данных предложений позволит обеспечить функционирование права как равной и обязательной меры для всех лиц, попадающих в сферу правового регулирования, исключить возможности злоупотребления правом.

Список источников

1. Аристотель. Политика [Электронный ресурс] Электронная научная библиотека «Гражданское общество в России» <https://www.civisbook.ru/> 61 с. (Дата обращения 15.08.2021).
2. Аристотель. «Никомахова этика» [Электронный ресурс] Электронная научная библиотека «Гражданское общество в России» - <https://www.civisbook.ru/> 204 с. (Дата обращения 15.08.2021).
3. Розин В. М. Проблема и три значения социальной справедливости// Юридические исследования. 2013. № 4. С. 301–350.
4. Гольбах. Письма к Евгении. Здравый смысл. М., 1956. 455 с.
5. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955. 800 с.
6. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1. / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. М., Мысль, 1989. 622 с.
7. Энгельс Ф. К жилищному вопросу. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. Государственное изд-во политической литературы. М., 1961. 842 с.
8. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. 625 с.
9. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
10. Регулирование правоотношений: Монография. М.: РГУП, 2020. 563 с.

References

1. Aristotle. *Politician*. Electronic Resource. Electronic Scientific Library «Civil Society in Russia». Available from: <https://www.visci.bookru/> 61 p. [Accessed 15 August 21]. (In Russ.)
2. Aristotle. *Nikomahova Ethics*. Electronic Scientific Library «Civil Society in Russia». Available from: - <https://www.civisbook.ru/> 204 p. [Accessed 15 August 21]. (In Russ.)
3. Rosine V. M. Problem and three values of social justice. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal research*. 2013;(4):301–350. (In Russ).
4. Holbach. *Letters to Yevgenia. Common sense*. M., 1956. 455 p. (In Russ).
5. Montesquieu. *Selected works*. Moscow; 1955. 800 p. (In Russ).
6. Hobbes T. *Essays in 2 vols*. Vol. 1. / Trans. from Lat. and English; Comp., ed., auth. introduction and note by V. V. Sokolov. Moscow; 1989. 622 p. (In Russ).
7. Engels F. *To housing issue*. In: Marx K., Engels F. *Soch*. T. 18. State Authority for Political Literature. Moscow; 1961; 842 p. (In Russ).
8. *Regulation of legal relations*. Moscow; 2020. 563 p. (In Russ).
9. Maltsev G.V. *Social Grounds of Law*. Moscow: Norma; 2007. 800 p. (In Russ).
10. *Legal and Individual Regulation of Social Relations*. Moscow; 2018; 625 p. (In Russ).

Информация об авторе

С.В. Мирошник – докт. юрид. наук, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти.

Information about the author

S. V. Miroshnik – Doctor of Law, Professor of Department of Theory of Law, State and Judicial Power.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.08.2021; одобрена после рецензирования 15.09.2021; принята к публикации 17.09.2021.
The article was submitted 25.08.2021; approved after reviewing 15.09.2021; accepted for publication 17.09.2021.